
ЭТНОПОЛИТИЧЕСКИЕ ПРОЦЕССЫ
И НАЦИЯ В МЕНЯЮЩЕМСЯ МИРЕ

НАЦИЕСТРОИТЕЛЬСТВО РЕСПУБЛИКИ БЕЛАРУСЬ
И ЕВРОПЕЙСКИЙ КОМПОНЕНТ БЕЛОРУССКОЙ ИДЕНТИЧНОСТИ

© 2018 г. Е. Бикетова, Ю. Чернышов

БИКЕТОВА Екатерина Андреевна, кандидат исторических наук.

Алтайский государственный университет, РФ, 656049 Барнаул, пр-т Ленина, 61 (gorbeleva@yandex.ru).

ЧЕРНЫШОВ Юрий Георгиевич, доктор исторических наук.

Алтайский государственный университет, РФ, 656049 Барнаул, пр-т Ленина, 61 (ashpi@hist.asu.ru).

Статья поступила в редакцию 18.08.2017.

Цель данной статьи – проследить трансформацию европейского компонента белорусской идентичности в процессе нациестроительства в Беларуси. Рассматриваются изменения в официальном дискурсе, в “политике памяти”, в языковой и культурной политике, а также в идентичности жителей республики. Выделяются этапы этого процесса (“литвинский” – 1991–1994 гг., “советский” – 1994–2010 гг., “национально-белорусский” – 2010–2017 гг.), характеризуются роль и значение в этом процессе европейского компонента, который, наряду с другими основными слагаемыми, является органической частью белорусской идентичности.

Ключевые слова: Республика Беларусь, А. Г. Лукашенко, национальная идентичность, этническая идентичность, европейская идентичность, нациестроительство, постсоветское пространство.

DOI: 10.20542/0131-2227-2018-62-1-94-103

О ТЕРМИНАХ И ПОДХОДАХ

Многие термины, пришедшие в отечественную науку – например, *soft power*, *image*, *identity*, *nation-building* – нередко приобретают упрощенные или даже совсем иные толкования, далеко уводящие от их первоначального смысла. Нам кажется оправданным сомнение ряда известных ученых по поводу использования упрощенно-конструктивистских трактовок понятия “нациестроительство” [1; 2]. Не стоит уподоблять этот сложный и противоречивый процесс, скажем, строительству здания, возводимого по единому, заранее расписанному проекту под жестким контролем одного государственного лидера, “прораба”. На самом деле этот процесс – серьезный экзамен на “искусство возможного”, и политикам, какой бы полнотой власти они ни обладали, зачастую приходится под влиянием объективных обстоятельств отступать от своих первоначальных планов, менять приоритеты, идти на компромиссы. Именно это, на наш взгляд, и показывает история нациестроительства в постсоветской Беларуси.

В термин “нациестроительство” нередко вкладывают разное смысловое содержание, причем ни в академических, ни в политических кругах пока так и не достигнуто консенсуса в толковании более общего, ключевого понятия – “нация”. Давние споры примордиалистов и конструктивистов, дискуссии об “этнических” и “гражданских” нациях находят

отражение и в различном понимании “нациестроительства”. Термин *nation-building* впервые стал широко употребляться во второй половине XX в. в связи с появлением новых суверенных государств. Особенно – в 1960-е годы на фоне бурного процесса деколонизации, а затем – в 1990-е – в связи с суверенизацией республик бывшего СССР и возникновением еще ряда независимых государств в самых разных регионах мира [3]. И уже тогда в западной литературе обозначились разные интерпретации. Одни авторы трактовали “нациестроительство” как “конструирование или структурирование (*constructing or structuring*) национальной идентичности государственной властью” [4], другие – как более широкий и объективно обусловленный процесс “формирования нации” (*nation formation*) [5]. В современной литературе на разных языках в качестве синонимов слову “строительство” (нации) нередко используется целый набор различных по значению слов. В частности – “выстраивание”, “конструирование”, “монтаж”, “собираание”, “создание”, “сплочение”, “формирование”, “цементирование”.

Характерна в этом отношении дискуссия, развернувшаяся в России в связи с разработкой концепции закона о единстве нации. Работа, проводившаяся по поручению В. В. Путина, выявила столько противоречивых трактовок “нации”, что руководитель рабочей группы академик В. А. Тишков пришел к выводу:

пока “общество не готово воспринять идею единой нации”. Тем не менее разработчики закона предложили понимать современные нации как “суверенные гражданские общества под одной государственной властью”, а “российскую нацию” – как сообщество граждан РФ различной этнической, религиозной, социальной и иной принадлежности, сознающих свою историческую и гражданскую общность, политико-правовую связь с государством и российской культурой [6]. Таким образом, если исходить из этого понимания, политика нациестроительства (в самой простой формулировке) предполагает создание предпосылок для формирования сообщества граждан, объединенных общей идентичностью и одной государственной властью. Однако, по-видимому, стоит подумать о корректировке формулы, согласно которой гражданское общество нации должно находиться непременно “под одной государственной властью”. Нациестроительство далеко не тождественно “государственному строительству” (*state building*), это разные понятия. Нация не должна выстраиваться “под государство”. Границы государства, нации и гражданского общества в реальности могут далеко не всегда совпадать. Кроме того, на наш взгляд, было бы уместно вести речь о необходимости диалога и партнерства разных акторов, государственной власти и общества, в процессе формирования нации. В тех случаях, когда государственная власть пытается именно “сверху” навязывать обществу только свое специфическое видение нации, такие попытки в итоге оказываются не вполне успешными – рано или поздно общество все равно вносит в политику нациестроительства свои коррективы.

В демократических и авторитарных режимах, как правило, проявляются не только разные понимания, но и разные средства и методы реализации политики нациестроительства (в частности, особенно заметны различия в степени реального участия в этом общества). Кроме того, каждая “новообразованная” страна вступает в этот процесс с разными исходными позициями, начиная от уровня полиэтничности населения и заканчивая степенью осознания этим населением себя как гражданской или этнической нации. Это, в частности, отмечает Р. Брубейкер, рассмотревший опыт “национализации” таких государств, как Эстония, Латвия, Украина и Казахстан [7].

Казалось бы, после 1991 г. процессы “создания наций” во многих постсоветских республиках имели немало общих закономерностей и сходств. Так, например, весьма характерным было выдвижение на первый план “титульного народа”, с попытками пересмотра истории и языковой политики, постепенного перехода от гражданской идентичности к этнической и т.д. Однако в наиболее интегрированных с Россией

странах, таких как Беларусь и Казахстан, до сих пор сохранилось культурное двуединство, заставляющее политические элиты, по наблюдению Е. Петренко, “выработать такую модель нациестроительства, которая сочетала бы в себе гармоничное сосуществование различных этнических, религиозных и цивилизационных идентичностей” [8, с. 76]. И даже при всех сходствах авторитарной модернизации в названных странах, процессы нациестроительства в них под воздействием разных факторов (в частности, европейского и исламского влияний) также приобретают немало специфических черт. Опыт последних десятилетий уже показал, что далеко не все в этих процессах зависит от воли А. Г. Лукашенко или Н. А. Назарбаева – кстати, наиболее популярных в России лидеров СНГ [9, с. 177]. Субъективно выбранные этими президентами курсы так или иначе уже корректируются самой жизнью – через традиции, гражданские инициативы, общественные предпочтения, изменения геополитической обстановки, внешние влияния.

В данной статье мы попытаемся проследить трансформацию европейского компонента белорусской идентичности в процессе нациестроительства (на фоне изменений в официальном дискурсе, в политике памяти, в языковой и культурной политике, а также в самой идентичности жителей республики). Внимание именно к этому компоненту отнюдь не случайно: в последнее время в Беларуси наметился определенный отход от тех традиций советской государственности, которые были активно использованы А. Г. Лукашенко для формирования национального государства сразу после его прихода к власти. Роль европейского компонента заметно возрастает, и этот феномен, несомненно, заслуживает специального изучения.

В отечественной и зарубежной историографии проблемы нациестроительства и формирования новой национальной идентичности в Республике Беларусь (РБ) уже неоднократно рассматривались, причем в литературе наметились два основных подхода к этой проблеме. Первый – рассмотрение нациестроительства РБ и других постсоветских стран в контексте исторической политики государства и мифотворчества, второй – в рамках теории демократического транзита стран Восточной Европы в условиях преодоления ими посткоммунистического синдрома. К первому направлению в историографии можно отнести работы А. Браточкина [10], Д. Э. Летнякова [11], Л. В. Томайчук [12], Г. Иоффе [13], коллективную монографию “Нациестроительство в границах постсоветского пространства: политика национальной идентичности” [14]. В рамках второго подхода выполнены исследования Стефана Уайта и Йена Маккалестера [15], Марка Нордберга и Тараса Кузио

[16]. Во многом разница в подходах связана с особенностями формирования историографических традиций в разных странах, а также с упоминавшимися выше различиями в трактовке и понимании самого термина “нациестроительство”.

НАЦИЕСТРОИТЕЛЬСТВО В РЕСПУБЛИКЕ БЕЛАРУСЬ ПОСЛЕ 1991 ГОДА

Официальный дискурс. Предпосылки для построения новой государственности, основанной не на советских принципах, появились в Беларуси еще в 80-е годы. Сложное экономическое положение, экологическая катастрофа в связи с Чернобыльской аварией, которая привела к загрязнению 23% территории республики, раскрытие новых фактов сталинских репрессий после обнаружения массовых захоронений в Куропатах в 1988 г. — все это способствовало стремлению найти основы для построения собственной государственности и идентичности.

В 1991–1994 гг. представители новой национальной элиты З. Позняк и С. Шушкевич активно выступали за ориентацию Беларуси на Европу. Об этом свидетельствовали такие шаги нового белорусского правительства, как ядерное разоружение и приобретение статуса безъядерного государства [17], а также инициатива по заключению соглашения о сотрудничестве с ЕС. Были предприняты попытки десоветизации Беларуси и в сфере символики. В частности, в 1991 г. заменены государственные символы — флаг и герб. Постановлением № 1090-ХІІ от 19 сентября 1991 г. “О государственном флаге Республики Беларусь” в качестве государственного флага был утвержден бело-красно-белый флаг [18]. “Историческая нагрузка” данного флага неоднозначна [19, с. 222], однако он соотносился с литовским периодом белорусской истории и тем самым должен был напоминать о так называемом золотом веке Беларуси в составе Великого княжества Литовского (ВКЛ), а также об истоках белорусской государственности в русле общеевропейской истории. В этот же период на смену гербу советской Белоруссии пришел герб “Погоня” [20], также имеющий непосредственное отношение к литовскому наследию.

После прихода к власти А. Г. Лукашенко в результате выборов 1994 г. произошло обновление политической элиты, и идеологический курс белорусского государства существенно изменился. В 1995 г. был проведен республиканский референдум, по итогам которого польско-литовская символика уступила место незначительно модифицированной советской [19, с. 223]. Смена политического дискурса и пересмотр идеологического базиса были обусловлены

изменением самого характера политического режима в сторону большей авторитарности, а также необходимостью сближения с Россией для получения экономической помощи и наращивания объемов российско-белорусской торговли. В этот период А. Г. Лукашенко апеллировал к идее “славянской государственности”, подчеркивал общность происхождения и истории белорусов и русских. Продвигалась идея “Сообщества Беларуси и России” (позже — “Союзного государства”). При этом отношения с Европой у Беларуси были прохладными: Минск не ратифицировал соглашение о партнерстве с ЕС, затем последовали дипломатический скандал в 1998 г. (“инцидент в Дроздах”) и исключение в 2004 г. Беларуси из сферы Европейской политики соседства, разработанной ЕС для сопредельных стран.

На фоне ухудшения белорусско-российских отношений в 2010 г. наметился некоторый поворот Лукашенко в сторону Запада. В 2010 г. на официальном уровне было впервые провозглашено следование многовекторному внешнеполитическому курсу [21]. Кроме того, с 2010 г. предпринимаются попытки внедрения доктрины о нейтралитете Беларуси, что нашло отражение, например, в Концепции национальной безопасности РБ, утвержденной в ноябре 2010 г. События 2014 г. на Украине способствовали очередному пересмотру внешнеполитической стратегии РБ. В этих условиях Минск акцентирует внимание на особом геополитическом положении республики и напрямую заявляет о том, что она — своеобразный перекресток между Востоком и Западом и, следовательно, носитель разных (в том числе и европейских) традиций и культур. Характерно, что Беларусь в официальном дискурсе позиционируется теперь как европейская страна, но принадлежащая к восточному варианту европейской цивилизации [22, с. 30].

Отмеченная амбивалентность официального дискурса объясняется, с одной стороны, историческим наследием Беларуси, тесно связывающим ее с Россией, наличием тесных экономических связей, высокой степенью русифицированности белорусского общества, а также наличием значительной русской диаспоры в РБ. С другой стороны, поиск общих исторических корней с европейской цивилизацией (пребывание в польско-литовском государстве, традиции магдебургского права, замковой архитектуры и т.п.) отражает подсознательное тяготение части белорусского общества к европейскому выбору пути для страны. При этом восточная ориентация в дискурсе А. Г. Лукашенко, конечно, сохраняется [23].

Таким образом, в настоящее время РБ стремится совместить в официальном дискурсе советское наследие с национальным и европейским компонентами своей истории и политики. Процесс

нациестроительства и конструирования идентичности на современном этапе во многом определяется объективными процессами, происходящими в белорусском обществе, в котором наметилось деление на “советских” и “европейских” белорусов, а также высокой степенью самоидентификации белорусов (в особенности молодежи), относящих себя к “европейцам” в качестве второй идентичности [15, с. 18].

Политика памяти предполагает наличие официальной трактовки хода исторических событий: как правило, с каждой сменой политического режима происходит реинтерпретация прошлого, развенчиваются старые мифы и превозносятся новые. Осуществление политики памяти в Беларуси как целенаправленного курса может быть подразделено на три основных этапа: конец 80-х годов – 1994 г., 1995–2003 гг., 2003 г. – настоящее время. Такой периодизации придерживаются, например, В. Г. Шадурский [24, с. 16] и А. Браточкин [10, сс. 49–50]. Первый этап отмечен формированием новой белорусской идентичности, поиском исторических основ консолидации общества. На втором преобладала политика “советского исторического курса”, которая опиралась преимущественно на советские традиции. С 2003 г. в политике памяти намечаются изменения. В историческом нарративе все больше появляются европейские компоненты. Это связано с конструированием европейского имиджа Беларуси, в частности для “экспорта” его на международную арену (“Беларусь – государство в центре Европы”). Таким образом, идет конкурирование трех версий истории: “литвинской” (“национальной”), “советской” и “европейской”.

Уже на первом из названных этапов историю Беларуси стремились искусственно “удревнить”, подчеркивая независимость Полоцкого княжества от Киевской Руси. Особое внимание уделялось периоду пребывания белорусских земель в ВКЛ, и это пребывание подавалось не только как начало белорусской государственности, но и как золотой век белорусской культуры. В школьных учебниках, вышедших в 1991–1995 гг., в качестве главных событий в белорусской истории были обозначены Грюнвальдская битва (1410 г.) и битва под Оршей (1514 г.); большое внимание уделялось сталинским репрессиям. Этот поворот идентичности в сторону Европы отразился и в государственной символической, во внутренней политике. Как отмечалось, в 1991 г. в Беларуси были изменены государственные символы с ориентацией на литовские символы государственности. Политика в вопросе нациестроительства выразилась и в переименовании улиц Минска и других городов: так, в 1991 г. главная магистраль столицы – Ленинский проспект – получила имя белорусского просветителя, первого

книгопечатника Франциска Скорины (ныне – проспект Независимости) [24, сс. 10–11].

С приходом к власти А. Г. Лукашенко попытки построения национального проекта через идею Беларуси как наследницы литовских традиций были свернуты – начался этап формирования квазисоветской государственности. В августе 1995 г. была организована Государственная комиссия по подготовке и изданию учебников и учебных пособий по социально-гуманитарному циклу, основной задачей которой стал пересмотр существующей концепции исторического образования. Подчеркивалось, что современная белорусская государственность берет свое начало от существовавшей в Советском Союзе БССР (что же касается Белорусской народной республики, образованной в годы Первой мировой войны, то она оценивалась как марионеточное государство Германии). Большую роль новые учебники уделяли советскому периоду, особенно Великой Отечественной войне и партизанскому движению. Тема этой войны стала центральной в политике памяти и формировании белорусской гражданской идентичности. В общественном сознании победа над фашизмом предстает как наиболее значимое событие в истории Беларуси, являющееся предметом национальной гордости белорусов [25, с. 93, 95].

С 2003 г. наметился отход в сторону мягкой белорусизации истории. Изменения в отношениях с Россией, связанные с провалом очередного этапа интеграции, послужили поводом для возникновения идеологического концепта “Беларусь не Россия”. Оценки исторического прошлого были существенно скорректированы и обозначены в выступлении А. Г. Лукашенко перед студентами и преподавателями Белорусского государственного университета 14 марта 2003 г. В своей лекции “Исторический выбор Беларуси” А. Г. Лукашенко попытался совместить версии литвинской и русской государственности, в то же время подчеркивая недопустимость фальсификации и переписывания истории [23]. Эти перемены в исторической политике Минска видны и в стремлении сформировать собственный пантеон национальных героев (Ефросинья Полоцкая, Франциск Скорина, Кастусь Калиновский, Витовт, Радзивиллы и др.).

В современной Беларуси все чаще снова проявляются интерес к наследию ВКЛ и склонность соотносить литовскую историю с белорусской. Так, например, в последнее время в РБ активно развивается исторический туризм, основанный на дворцово-парковом наследию Радзивиллов. В 2012 г. была принята Государственная программа “Замки Беларуси” [26], которая предусматривает восстановление ряда объектов историко-культурного наследия. Уже восстановлены городские ратуши в Минске и Могилеве,

отреставрированы ансамбли Мирского и Несвижского замков. В 2013–2014 гг. в Минске был установлен памятник в честь получения городом магдебургского права (1499 г.), в Витебске – памятник князю Ольгерду [24, с. 14].

Интерес к польско-литовскому периоду истории инициируется и оппозиционными силами Беларуси, которые активно обращаются к нему с целью легитимации пропагандируемого ими пути “возвращения” Беларуси в Европу. Так, в 2011 г. вышел анимационный ролик движения “*Будзьма беларусам!*”, в котором авторы представили свою версию истории Беларуси с древности до 1991 г. Создавая пантеон национальных героев (Ефросинья Полоцкая, Франциск Скорина), авторы вписывают историю белорусов в рамки ВКЛ и Речи Посполитой, а их оценки событий, связанных с войнами между ВКЛ и Москвой, носят неоспоримо антироссийский характер [27]. Официальные круги ознакомились с содержанием ролика, после чего представитель МИД РБ в мягкой форме не рекомендовал демонстрировать данный ролик иностранцам [28].

Языковая политика. Уникальность белорусского кейса состоит в том, что Беларусь, находящаяся “между Востоком и Западом”, отличается не только амбивалентной идентичностью, но и билингвизмом. В 1991 г. национальная элита взяла курс на последовательную белорусизацию и закрепление за белорусским языком статуса единственного государственного языка, однако в 1995 г., по результатам республиканского референдума, официальными языками стали белорусский и русский [29]. По данным доклада “Русский язык в мире”, опубликованного МИД РФ, из практически 10 млн жителей Беларуси к русским себя относят 15% опрошенных, тогда как в сфере распространения русского языка попадает 80% населения [30]. Белорусский язык, в сравнении с русским, существенно проигрывает в информационном пространстве: в Беларуси значительная часть печатной продукции представлена только на русском языке (415 изданий из 1100 зарегистрированных), в теле- и радиоэфире преобладают русскоязычные каналы [30]. Белорусский язык в настоящее время выступает скорее не как коммуникативное средство, а как символ белорусской нации – выполняет функцию самоидентификации для белорусов [31, с. 121].

После цветных революций в Киргизии и Украине контекст государственной политики существенно изменился. Стремясь дистанцироваться от курса внешней политики России и укрепить собственный суверенитет, А. Г. Лукашенко более активно проводит политику мягкой белорусизации. В 2013 г. в Минске было ликвидировано Минское общество русской культуры “Русь”. Кроме того, были организованы

кампании “*Якім будзе тваё першае слова на роднай мове?*”, “*Смак беларускай мовы*”, призванные популяризировать использование белорусского языка, показать его красоту. Белорусский язык все чаще используется в выступлениях официальных лиц, законы дублируются на двух языках – белорусском и русском. При этом опросы, проведенные Независимым институтом социально-экономических и политических исследований (НИСЭПИ), показывают, что языковой вопрос не имеет для белорусов такой важности, как, например, для граждан Украины или Казахстана, в которых рассматриваются варианты ограничения использования русского языка, перехода на латиницу и т.п. Наблюдается лишь более индифферентное отношение к русскому языку [32].

Несмотря на то что в Беларуси не происходит ущемления русского языка и русской культуры, в политическом дискурсе и в информационном пространстве все чаще проявляется ориентация на ЕС. Так, например, расширяется сфера применения английского языка. В последние годы разработаны платформы государственных сайтов для англоязычной аудитории, остановки транспорта на электронных табло высвечиваются на двух языках – белорусском и английском. Значимую роль для Беларуси в последнее время играет Республика Польша, становящаяся своеобразным окном в Европу. Среди иностранных студентов в университетах Польши белорусы составляют около 15% [33]. Надписи на польском языке все чаще встречаются и на этикетках белорусских товаров. Популярной становится практика получения карты поляка с целью возможной эмиграции в ЕС [34, с. 102]. Некоторые исследователи даже считают обоснованным называть Польшу вторым (наряду с Россией) “значимым Другим” для Беларуси [35].

Культурная политика. В сфере культуры в 90-е годы Беларусь активно пыталась “включиться” в общеевропейский контекст, что было обусловлено необходимостью повышения узнаваемости и привлекательности страны за рубежом [36, лист 149]. Развитие культуры происходило в русле общенационального поиска истоков белорусской государственности и возрождения белорусской культуры и традиций. Так, в театральном искусстве после распада СССР и отмены обязательной “приемки” спектаклей появилась система “госзаказа” на постановку произведений белорусской драматургии, преимущественно классических авторов (В. И. Дунин-Марцинкевич, Я. Колас, Я. Купала). В белорусском Театре им. Я. Купалы ставят спектакли о белорусском национальном характере – пьесы “Идиллия” В. И. Дунина-Марцинкевича, “Тутэйшыя” Я. Купалы. Пьеса “Тутэйшыя”, написанная еще в 1922 г., в советское время была запрещена к постановке: Янка Купала

«изобразил Беларусь как бы распятой между Россией и Польшей: для одной она – “Северо-Западный край”, для другой – “*Wschodnie kresy polskie*” (“польские Восточные окраины”)» [37, с. 183]. Еще одной темой театральных постановок стала история Беларуси, особенно ее темные пятна, а также судьбы национальных героев.

Сохраняется, тем не менее, значительное влияние советской, а также современной российской культуры. Идет своеобразный синтез разных элементов на фоне мягкой белорусизации. Это нашло отражение, например, в проведении праздников, направленных на развитие и распространение белорусской культуры. Так, 2016 г. был объявлен в Беларуси “Годом культуры”, заложена традиция проведения “Дня вышиванки” накануне празднования Дня независимости. По мнению представителей министерства культуры РБ, главная аудитория праздника – молодежь, а “вышиванка” давно уже стала “визитной карточкой белорусов и символом-оберегом нации” [38]. В 2016 г. также была принята Государственная программа “Культура Беларуси” на 2016–2020 гг. В программе предпринята попытка совместить несколько видов исторической памяти и культурного наследия Беларуси (восстановление мемориалов европейского Средневековья, увековечение памяти о Великой Отечественной войне, распространение белорусской культуры и языка за рубежом) [39].

“Европейская культура” в культурном ландшафте Беларуси представлена фестивалями “Музы Несвижа”, “Мир барокко”, “Мирский замок”, проводимыми в местах расположения объектов архитектурного наследия европейского Средневековья – Несвижского и Мирского замков. Большое значение придается международному песенному конкурсу “Евровидение”, а победа Беларуси на детском конкурсе “Евровидение” в 2005 и 2007 гг. и возможность принять участников из других стран в Минске в 2010 г. стали событиями национального масштаба и предметом национальной гордости [40]. Следует отметить также наличие “неофициальных” культурных течений, представленных, например, организациями “Будзьма беларусамі!”, *Belarusian Free Theatre*, а также рок-группами “Старая Ольха”, “Новое небо”, “Мая Краіна”. Исследователь Нелли Бекус рассматривает альтернативное течение в белорусской общественной жизни не только как стремление белорусов высказать протест существующему режиму языком культуры, но и как выражение особого вида белорусской идентичности – “альтернативной белорусскости” [41, pp. 235–251]. Нельзя не упомянуть здесь и о проевропейском влиянии Римско-католической церкви, второй в РБ по количеству верующих. За последние 20 лет количество ее религиозных общин увеличилось в четыре раза. На 1 января

2014 г. насчитывалось 488 приходов, объединенных в 4 епархии; действовали также 11 римско-католических миссий и 9 монашеских общин [42]. В целом “гражданский” национализм в Беларуси нередко по своим формам выражения и содержанию существенно отличается от официально-государственного.

ЕВРОПЕЙСКИЙ КОМПОНЕНТ В ИДЕНТИЧНОСТИ СОВРЕМЕННЫХ БЕЛОРУСОВ

Рассмотрев политику нациестроительства РБ в исторической, языковой и культурной политике, мы можем сделать вывод о том, что европейский компонент остается органично присущим белорусской идентичности. Характерно, что “европейскость” в белорусской идентичности не только присутствует в исторической памяти, но и косвенно формируется государством в условиях многовекторного геополитического выбора. На степень популярности “европейской идеи” влияют также многочисленные фонды и организации стран ЕС, работающие в Беларуси (например, *Goethe-Institut*, консорциум “ЕвроБеларусь” и т.д.), а также представители идеи “альтернативной белорусскости”. В связи с этим было бы полезно проследить, как формируется европейский компонент белорусской идентичности не только “сверху”, но и “снизу”, в самом белорусском обществе, и как меняется запрос на “европеизацию” среди белорусов.

Опросы, которые проводились упоминавшимся НИСЭПИ в 2002–2012 гг., позволяют не только определить геополитические ориентиры и предпочтения белорусов, но и дают представление об их самоидентификации и эволюции белорусской идентичности. Так, в 2002–2005 гг. число сторонников интеграции как с Евросоюзом, так и с Россией было довольно высоким, но вскоре оно пошло на убыль, и соотношение сторонников и противников интеграции оказалось практически равным. В 2011 г. наблюдался всплеск интеграционных настроений среди сторонников объединения с Европой (в марте 2011 г. – 48.6% “за” и 30.5% “против”) [43]. В настоящее время, в случае необходимости “жесткого выбора”, белорусы все-таки выбирают ЕС, руководствуясь экономическими выгодами. Однако в большинстве своем белорусы предпочитают жить в своем государстве и не интегрироваться ни с кем [44].

Социологи выделяют в обществе две основные группы – “советские белорусы” и “евробелорусы”. В 2006 г. при опросе с возможностью выбора между советской и европейской идентичностью большинство белорусов считали себя “советскими людьми” (52 и 46% в марте и апреле 2006 г. соответственно) [45]. Но в последующие шесть лет произошли

серьезные изменения: число белорусов, идентифицирующих себя с Европой, европейскими людьми, незначительно превысило число “советских белорусов” – 47.2 против 45.6% [43]. По-видимому, на это повлияли разные факторы – объективный процесс смены поколений, активная “европеизация” Беларуси и включение ее в европейский контекст организациями Евросоюза, а также влияние оппозиции, почти все представители которой ориентированы на европейский вектор развития. При этом, как отмечают социологи, связь геополитического выбора с социально-демографическими характеристиками остается неизменной. Молодежь, образованные, мужчины, частые пользователи Интернета в большей степени тяготеют к Европе, а лица преклонного возраста, с низким уровнем образования, женщины и те, кто редко пользуются Интернетом, – к России [43]. Согласно выводам Л. И. Науменко, в целом для белорусов ведущими объединяющими критериями являются (по убывающей) “территория проживания, чувство принадлежности к родной земле и общее государство, а также общность этнического происхождения, корни. Среди наименее важных – религия и родной язык” [46, с. 51].

Вероятно, в дальнейшем процессы европеизации Беларуси будут углубляться, что связано с постепенным дистанцированием страны от России, проблемами в реализации евразийского интеграционного проекта, а также вымыванием из коллективной памяти сюжетов общего исторического прошлого. Однако отмеченная амбивалентность идентичности существует сейчас скорее в цивилизационном и геополитическом смыслах, в то время как подсознательно на культурном и ментальном уровнях белорусы по-прежнему больше склоняются к России.

* * *

Итак, в политике нацистроительства РБ после 1991 г. можно выделить три периода: с 1991 по 1994 г., с 1994 по 2010 г. и с 2010 г. по настоящее время. Первый характеризуется ремифологизацией истории, пересмотром языковой и культурной политики и общим “национальным уклоном”. Основой

государственной идеологии в этот “литвинский” период стал миф о золотом веке в пору пребывания белорусских земель в ВКЛ. Период с 1994 по 2010 г. условно может называться “советским”: в это время в государственную символику были возвращены советские символы, национальная государственность строилась на советских началах, были характерны попытки реанимации советского прошлого и развития интеграции с Россией. Базисом нацистроительства тогда стала панславистская идея об общности происхождения трех народов – белорусов, украинцев и русских, исторической близости их языков и культур. Однако изменения в реальной ситуации внесли свои коррективы в курс, первоначально выбранный А. Г. Лукашенко. С 2010 г., после ухудшения взаимоотношений Беларуси с Россией, в белорусской внешней политике все чаще стали наблюдаться многовекторные повороты в сторону не только Евросоюза, но и других игроков на международной арене – США, Китая, Украины, Азербайджана, Бразилии, Венесуэлы и т.д.

После украинских событий 2014 г. Беларусь предпринимает попытки предстать в качестве “нейтральной” страны и “донора региональной безопасности”, стремится позиционировать себя как страну в центре Европы. В процесс нацистроительства привносятся разные элементы – и национальные белорусские традиции, и сохранившие привлекательность советско-российские черты, и характерные атрибуты европейской цивилизации. Медленно, но последовательно происходит постепенный синтез, формируется сплав из тех элементов, которые объективно важны для белорусского общества и которые способны поддерживать единство нации. При этом каждый из названных важнейших компонентов вряд ли может в ближайшем будущем совершенно утратить свое значение, поскольку каждый из них является органической частью белорусской идентичности. Оставаясь на “геополитическом перекрестке” между Западом и Востоком, Беларусь, очевидно, будет и дальше балансировать в своей политике нацистроительства с учетом той степени влияния, которую будут приобретать различные международные акторы.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ / REFERENCES

1. Мнацакян М. О. Нации, “нацистроительство” и национально-этнические процессы в современном мире. *Социс*, 1999, № 5, сс. 118-127. [Mnatsakanyan M. O. Natsii, “natsiestroitel'stvo” i natsional'no-etnicheskie protsessy v sovremennom mire [Nations, “Nation-building” and National-ethnic Processes in the Modern World]. *Socis*, 1999, no. 5, pp. 118-127.]
2. Семененко И. С. Нация, национализм, национальная идентичность: новые ракурсы научного дискурса. *Мировая экономика и международные отношения*, 2015, № 11, сс. 91-102. [Semenenko I.S. Natsiya, natsionalizm, natsional'naya identichnost': novye rakursy nauchnogo diskursa [Nations, Nationalism, National Identity: New Dimensions in Academic Discourse]. *Mirovaya ekonomika i mezhdunarodnye otnosheniya*, 2015, no. 11, pp. 91-102.]

3. Hippler J. *Ethnicity, State, and Nation-building – Experiences, Policies and Conceptualization*. Available at: http://www.jochenhippler.de/html/ethnicity-_state-_and_nation-building.html (accessed 07.08.2017).
4. Deutsch K.W., Foltz W.J., eds. *Nation Building in Comparative Contexts*. New York, Atherton, 1966. 171 p.
5. James P. *Nation Formation: towards a Theory of Abstract Community*. London, Sage Publications, 1996. 256 p.
6. Городецкая Н. Российской нации дали определение. *Коммерсантъ*, 09.06.2017.
7. Brubaker R. Nationalizing States Revisited: Projects and Processes of Nationalization in Post-Soviet States. *Ethnic and Racial Studies*, 2011, vol. 34, issue 11, pp. 1785-1814.
8. Петренко Е. Нацестроительство в условиях авторитарной модернизации: опыт Казахстана. *Мировая экономика и международные отношения*, 2016, № 6, сс. 70-79. [Petrenko E. Natsiestroitel'stvo v usloviyakh avtoritarnoi modernizatsii: opyt Kazakhstana [Nation-building and Authoritarian Modernization: the Kazakhstan Case]. *Mirovaya ekonomika i mezhdunarodnye otnosheniya*, 2016, no. 6, pp. 70-79.] DOI:10.20542/0131-2227-2016-60-6-70-79
9. Чернышов Ю. Г. Белоруссия и Казахстан: восприятие народов и политических лидеров в России. *Вестник Кемеровского государственного университета*, 2013, № 2, сс. 175-179. [Chernyshov Yu. G. Belorussiya i Kazakhstan: vospriyatie narodov i politicheskikh liderov v Rossii [Belarus and Kazakhstan: the Perception of Their Peoples and Political Leaders in Russia]. *Vestnik Kemerovskogo gosudarstvennogo universiteta* [Bulletin of Kemerovo State University], 2013, no. 2, pp. 175-179.]
10. Браточкин А. Политика памяти в пространстве Минска: между забвением и идеей “множества памятей”. *Історія, пам'ять, політика*. Збірник статей. Київ, 2016, сс. 9-52. [Bratochkin A. Politika pam'yati v prostranstve Minska: mezhdzu zabveniem i ideei “mnozhestva pam'yatei” [The Politics of Memory in the Space of Minsk: between Oblivion and the Idea of “Many Memories”]. *Istoriya, pam'yat', politika*. Zbirknik statei. Kiev, 2016, pp. 9-52.]
11. Летняков Д. Э. Создавая нацию: политика идентичности в постсоветских государствах. *Мир России*, 2016, № 2, сс. 144-167. [Letnyakov D. E. Sozdavaya natsiyu: politika identichnosti v postsovetskikh gosudarstvakh [Creating a Nation: the Policy of Identity in the Post-Soviet States]. *Mir Rossii* [World of Russia], 2016, no. 2, pp. 144-167.]
12. Томайчук Л. В. Мифологизация истории как инструмент конструирования национальной идентичности на современной Украине и в Беларуси. *Общество. Среда. Развитие (Terra Humana)*, 2012, № 3, сс. 52-55. [Tomaichuk L.V. Mifologizatsiya istorii kak instrument konstruirovaniya natsional'noi identichnosti na sovremennoi Ukraine i v Belarusi [Mythologization of History as a Tool for Constructing a National Identity in Modern Ukraine and Belarus]. *Obshchestvo. Sreda. Razvitie (Terra Humana)*, 2012, no. 3, pp. 52-55.]
13. Ioffe G. Understanding Belarus: Belarusian Identity. *Europe-Asia Studies*, 2003, no. 8, pp. 1241-1272.
14. Smith G. et al., eds. *Nation-building in the Post-Soviet Borderlands: the Politics of National Identities*. Cambridge, Cambridge University Press, 1998. 293 p.
15. Уайт С., Макалистер Й. Беларусь, Украина, Россия: Восток или Запад? *Вестник общественного мнения*, 2008, № 3, сс. 14-26. [White S., McAllister I. Belarus', Ukraina, Rossiya: Vostok ili Zapad? [Belarus, Ukraine, Russia: East or West?]. *The Russian Public Opinion Herald*, 2008, no. 3, pp. 14-26.]
16. Нордберг М., Кузю Т. Построение наций и государств. Историческое наследие и национальные самосознания в Беларуси и Украине (Сравнительный анализ). *Белоруссия и Россия: общества и государства*. Москва, Права человека, 1997, сс. 376-393. [Nordberg M., Kuzio T. Postroenie natsii i gosudarstv. Istoricheskoe nasledie i natsional'nye samosoznaniya v Belorussii i Ukraine (Srvavnitel'nyi analiz) [Building Nations and States. Historical Heritage and National Identities in Belarus and Ukraine (Comparative Analysis)]. *Belorussiya i Rossiya: obshchestva i gosudarstva* [Belarus and Russia: Society and States]. Moscow, Human Rights, 1997, pp. 376-393.]
17. Green L. National Identity Reaffirmation in the Post-Soviet Era: the Case of Belarus and Ukraine. *E-International Relations Students [site]*. Available at: <http://www.e-ir.info/2011/08/01/national-identity-reaffirmation-in-the-post-soviet-era-the-case-of-belarus-and-ukraine/> (accessed 20.06.2017).
18. Закон Республики Беларусь от 19.09.1991 № 1090-XII “О государственном флаге Республики Беларусь”. [Law of the Republic of Belarus No. 1090-XII of 19.09.1991 “On the State Flag of the Republic of Belarus” (In Russ.)] Available at: <http://pravo.newsby.org/belarus/zakon2/z112.htm> (accessed 20.06.2017).
19. Бикетова Е. А. Принятие новой государственной символики Республикой Беларусь и формирование белорусской идентичности (1991–1995 гг.). *Известия Алтайского государственного университета*, 2015, № 2–1 (86), сс. 221-225. [Biketova E. A. Prinyatie novoi gosudarstvennoi simvoliki Respublikoi Belarus' i formirovanie belorusskoi identichnosti (1991–1995 gg.) [Adoption of New State Symbols by the Republic of Belarus and the Formation of Belarusian Identity (1991–1995)]. *Izvestiya Altaiskogo gosudarstvennogo universiteta* [Bulletin of Altai State University], no. 2–1 (86), pp. 221-225.] DOI:10.14258/izvasu(2015)2.1-41
20. Закон Республики Беларусь от 19 сентября 1991 г. № 1086-XII “О государственном гербе Республики Беларусь”. [Law of the Republic of Belarus of 19 September 1991 No. 1086-XII “On the State Emblem of the Republic of Belarus” (In Russ.)] Available at: <http://pravo.newsby.org/belarus/zakon2/z113.ht> (accessed 20.06.2017).
21. Послание Президента Республики Беларусь Александра Лукашенко белорусскому народу и Национальному собранию от 21.04.2010. [Message of the President of the Republic of Belarus Alexander Lukashenko to the Belarusian People and the

- National Assembly of 21.04.2010 (In Russ.)] Available at: <http://logoysk.by/index.php/news/oficial/7652-2010-04-21-12-41-21.html> (accessed 24.08.2017).
22. Дзермант А. Государственная идеология Беларуси: миф или реальность? *Беларуская думка*, 2015, № 6, сс. 26-31. [Dzermant A. Gosudarstvennaya ideologiya Belarusi: mif ili real'nost'? [The State Ideology of Belarus: Myth or Reality?]. *Belaruskaya dumka* [Belarusian Thought], 2015, no. 6, pp. 26-31.]
 23. Лукашенко А. Г. Лекция “Исторический выбор Республики Беларусь” в БГУ. 14 марта 2003. [Lukashenko A. G. *Lektsiya “Istoricheskii vybor Respubliki Belarus” v BGU. 14 marta 2003* [Lecture “Historical Choice of the Republic of Belarus” in BSU. 2003, 14 of March]]. Available at: http://president.gov.by/ru/news_ru/view/lektsija-istoricheskij-vybor-respubliki-belarus-v-bgu-5819/ (accessed 20.06.2017).
 24. Шадурский В. Г. Историческая политика в Республике Беларусь: этапы развития и версии интерпретации прошлого. *Труды факультета международных отношений БГУ: научный сборник*. Минск, 2014, вып. V, сс. 9-24. [Shadurskii V. G. *Istoricheskaya politika v Respublike Belarus’: etapy razvitiya i versii interpretatsii proshlogo* [Historical Policy in the Republic of Belarus: Stages of Development and Versions of the Interpretation of the Past]. *Trudy fakul'teta mezhdunarodnykh otoshenii BGU: nauchnyi sbornik* [Proceedings of the Faculty of International Relations of BSU: a Scientific Collection]. Minsk, 2014, issue V, pp. 9-24].
 25. Ластовский А. Специфика исторической памяти в Беларуси: между советским прошлым и национальной перспективой. *Вестник общественного мнения*, 2009, № 4, сс. 88-99. [Lastovskii A. Spetsifika istoricheskoi pamyati v Belarusi: mezhdu sovetским proshlym i natsional'noi perspektivой [Specificity of Historical Memory in Belarus: between the Soviet Past and the National Perspective]. *The Russian Public Opinion Herald*, 2009, no. 4, pp. 88-99].
 26. *Постановление Совета Министров Республики Беларусь от 06.01.2012 № 17 «Об утверждении Дзяржаўнай праграмы “Замкі Беларусі” на 2012–2018 гады»*. [Decree of the Council of Ministers of the Republic of Belarus of 6 January 2012, no. 17 «On Approval of the State Program “Castles of Belarus” on 2012–2018 Years» (In Belarus.)]. Available at: <http://pravo.newsby.org/belarus/postanovsm1/sovm678.htm> (accessed 24.08.2017).
 27. *Будзьма беларусамі! (тэкст)*. [Let's be Belarusians! (text) (In Belarus.)] Available at: <http://budzma.org/uncategorized/budzma-byelarusami-tekst.html> (accessed 20.06.2017).
 28. *МИД: мультфильм “Будзьма беларусамі!” не стоіт паказваць іностранным*. [Ministry of Foreign Affairs: the Cartoon “Budzma Belarusami!” Should Not Be Shown to Foreigners (In Russ.)]. Available at: <https://news.tut.by/tv/229518.html> (accessed 20.06.2017).
 29. *Рэспубліканскі рэферэндум 14 мая 1995 года*. [Republican Referendum on May 14, 1995 (In Russ.)] Available at: <http://www.rec.gov.by/ru/arhiv-referendumy/respublikanskiy-referendum-14-maya-1995-goda> (accessed 24.08.2017).
 30. *Доклад Министерства иностранных дел Российской Федерации “Русский язык в мире”*. [Report of the Ministry of Foreign Affairs of the Russian Federation “The Russian Language in the World” (In Russ.)] Available at: <http://dipkurier.narod.ru/glavdip/doklad1.htm> (accessed 20.06.2017).
 31. Коряков Ю. Б. Языковая ситуация в Белоруссии. *Вопросы языкознания*, 2002, № 2, сс. 109-127. [Koryakov Yu. B. Yazykovaya situatsiya v Belorussii [Language Situation in Belarus]. *Topics in the Study of Language*, 2002, no. 2, pp. 109-127.]
 32. *Язык и национальная идентичность: национальный опрос март 2014 г.* [Language and National Identity: National Survey March 2014 (In Russ.)] Available at: <http://www.iiseps.org/?p=869> (accessed 20.06.2017).
 33. Косолапов Н. “Мягкая сила” Республики Польша (на примере Украины и Белоруссии). [Kosolapov N. “*Myagkaya sila*” Respubliki Pol'sha (na primere Ukrainy i Belorussii)] [“Soft Power” of the Republic of Poland (on the Example of Ukraine and Belarus)] Available at: <http://svom.info/entry/649-myagkaya-sila-respubliki-polsha-na-primere-ukrainy> (accessed 20.06.2017).
 34. Калита И. В. *Современная Беларусь: языки и национальная идентичность*. Ústí nad Labem, Педагогический факультет Университета им. Э. Я. Пуркине Усти над Лабой, 2010. 300 с. [Kalita I. V. *Sovremennaya Belarus’: yazyki i natsional'naya identichnost'* [Modern Belarus: Languages and National Identity]. Ústí nad Labem, Univerzita J. E. Purkyně v Ústí nad Labem, 2010. 300 p.]
 35. Bekus N. Constructed “Otherness”? Poland and the Geopolitics of Contested Belarusian Identity. *Europe-Asia Studies*, 2017, vol. 69, no. 2, pp. 242-261.
 36. *Национальный архив Республики Беларусь*, ф. 9686 оп. 12, д. 390. [National Archive the Republic of Belarus, chest 968, register 12, file 390. (In Belarus., unpublished)].
 37. Антанович Н. А. Историко-культурные условия национально-государственного строительства Республики Беларусь. *Політэкс*, 2010, т. 6, № 2, сс. 176-197. [Antanovich N. A. Istoriko-kul'turnye usloviya natsional'no-gosudarstvennogo stroitel'stva Respubliki Belarus' [Historical and Cultural Conditions of National-state Construction of the Republic of Belarus]. *Politeks*, 2010, vol. 6, no. 2, pp. 176-197.]
 38. *В Беларуси учредили День вышиванки*. [The Day of Embroidery Was Established in Belarus (In Russ.)] Available at: <http://korrespondent.net/world/3704373-v-belarusy-uchredyly-den-vyshyvanky> (accessed 20.06.2017).
 39. *Постановление Совета Министров Республики Беларусь от 4 марта 2016 г. № 180 «Об утверждении Государственной программы “Культура Беларуси” на 2016–2020 годы»*. [Decree of the Council of Ministers of the Republic of Belarus of

- March 4, 2016, no. 180 «On the approval of the State Program “Culture of Belarus” for 2016–2020» (In Russ.)] Available at: <http://www.pravo.by/document/?guid=3871&p0=C21600180> (accessed 20.06.2017).
40. *Детский конкурс песни “Еurovision–2010” в Минске*. [Children’s Song Contest “Eurovision–2010” in Minsk (In Russ.)] Available at: <http://www.belarus.by/ru/about-belarus/culture/junior-eurovision-song-contest-2010-in-minsk/> (accessed 20.06.2017).
 41. Bekus N. *Struggle over Identity: the Official and the Alternative “Belarussianess”*. Budapest, Central European University Press, 2010. 312 p.
 42. *Справка об этноконфессиональной ситуации в Республике Беларусь и сотрудничестве с соотечественниками за рубежом в 2013 году*. [A Reference on the Ethno-confessional Situation in the Republic of Belarus and Cooperation with Compatriots Abroad in 2013 (In Russ.)] Available at: <http://forb.by/node/406> (accessed 04.07.2017).
 43. *Амбивалентный геополитический выбор*. [An Ambivalent Geopolitical Choice (In Russ.)] Available at: <http://www.iiseps.org/?p=2874> (accessed 20.06.2017).
 44. Радзик Р. *Европа или Россия? Между народом и постсоветской общностью*. [Radzik R. *Evropa ili Rossiya? Mezhdunarodom i postsovetskoi obshchnost’yu* [Europe or Russia? Between the People and Post-Soviet Community]]. Available at: <http://inbelhist.org/evropa-ili-rossiya-mezhdu-narodom-i-postsovetskoi-obshchnostyu/> (accessed 20.06.2017).
 45. *Где кончается Европа?* [Where Does Europe End? (In Russ.)] Available at: <http://www.iiseps.org/?p=1741> (accessed 20.06.2017).
 46. Науменко Л. И. *Белорусская идентичность. Содержание. Динамика. Социально-демографическая и региональная специфика*. Минск, Белорусская наука, 2012. 206 с. [Naumenko L. I. *Belorusskaya identichnost’. Soderzhaniye. Dinamika. Sotsial’no-demograficheskaya i regional’naya spetsifika* [Belarusian Identity. Content. Dynamics. Socio-demographic and Regional Specificity]. Minsk, Belarusian Science, 2012. 206 p].

**NATION-BUILDING IN THE REPUBLIC OF BELARUS
AND EUROPEAN COMPONENT IN BELARUSIAN IDENTITY**
(*World Economy and International Relations, 2018, vol. 62, no. 1, pp. 94–103*)
Received 18.08.2017.

Ekaterina A. BIKETOVA (gorbeleva@yandex.ru),
Altai State University, 61, Lenina Prosp., Barnaul 656049, Russian Federation.
Yury G. CHERNYSHOV (ashpi@hist.asu.ru),
Altai State University, 61, Lenina Prosp., Barnaul 656049, Russian Federation.

The Republic of Belarus has a complex national identity due to its historic roots and borderline position as a country between the West and the East. The policy of nation-building presupposes the use of a wide range of means for the national identity formation “from above”: official ideology, foreign policy, language policy, mythmaking, “memory policy”. The current situation is characterized by two conflicting trends in national identity politics: the official level concept of “Belarussianness” (promoted by such campaigns as “The Taste of Belarusian Language” or “We are Belarusians”), and the European direction managed by opposition forces. The main goal of this article is to evaluate the European component of Belarusian national identity. Moreover, it is attempted to define the role of this component in the process of Belarusian identity construction at the official level, with special attention to nation-building policy in the long run. The authors come to a conclusion that nation-building policies in the Republic of Belarus have radically changed over the years of independence. Three periods can be singled out: 1991–1994 (“Lithuanian” period), 1994–2010 (“Soviet” period), 2010–2017 – Belarusian national period with a mix of Lithuanian, Soviet, European and neo-Belarusian symbols and identities. Since the 2014 Ukrainian crisis, the nation-building process in Belarus has been based on the idea of the Belarusian state as a borderland – a country with an ambivalent history and cultural heritage, long existence in the context of confrontation between the Polish-Lithuanian and Russian components. The Belarusian political system is demonstrating trends of evolution in the European direction regarding foreign policy, ideology, law, culture, living standards. This is manifested in the dynamics of Belarusian national identity and identity policy appealing to borderline history and cultural heritage.

Keywords: Belarus, A. G. Lukashenko, national identity, ethnic identity, European identity, nation-building, post-Soviet space.

About authors:

Ekaterina A. BIKETOVA, Candidate of History, Teaching Assistant.
Yury G. CHERNYSHOV, Doctor of History, Professor, Head of Department.

DOI: 10.20542/0131-2227-2018-62-1-94-103